

М.М. Кубанина

В.В. Минаев

АГРАРНЫЙ СЕКТОР СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ ЭКОНОМИСТОВ 1939-1941 ГГ.

Вторая мировая война, невиданная доселе в истории человечества по размаху, ожесточенности, жертвам и разрушениям, изменила облик всего мира. Эта война стала своеобразным водоразделом и для советской истории. В нынешнем году международная научная общественность под тем или иным углом зрения будет обращаться к ее начальному этапу, которому исполнилось 65 лет.

Предлагаемая статья представляет собой попытку взглянуть на Вторую мировую войну сквозь призму одного из ведущих сегментов экономики, а именно сельского хозяйства. До сих пор в научном сообществе не существует однозначного мнения по вопросу – должно ли государство вмешиваться в управление аграрным сектором хозяйствования? Приведем мнение заведующего кафедрой агроэкономики Московского госуниверситета им. М.В. Ломоносова профессора С. Киселева: «Проблемы сельского хозяйства за год-два решить невозможно. Для этого потребуются десятилетия, ведь оно отличается от других отраслей тем, что медленнее реагирует на изменение экономики в целом... Да и для бизнеса оно менее выгодно по сравнению с другими отраслями, хотя бы потому, что здесь больше факторов риска, и отдача происходит не так быстро.

Наше сельское хозяйство сейчас использует наиболее примитивный уровень технологий... Например, в урожайном 2000 г. те хозяйства, которые применяли минеральные удобрения и получили высокие урожаи,

просто не смогли окупить свои затраты из-за низкого уровня цен на зерно. А те сельхозпроизводители, которые не применяли никаких удобрений и обошлись без высоких затрат на производство, были вполне удовлетворены предложенным уровнем цен и с легкостью покрыли все свои затраты, да еще и прибыль получили»¹.

По данным ученого, являющегося к тому же советником министра сельского хозяйства Российской Федерации, ежегодный прирост отечественного сельскохозяйственного производства в наступившем веке равен всего 1,5 %. С такими темпами для достижения доперестроечного уровня СССР начала 1980-х гг. понадобится не менее 10 лет. Причем ставка должна делаться на частный капитал, поскольку государственные возможности ограничены. Сферой вложения этих средств должно стать строительство современной инженерно-дорожной инфраструктуры российской деревни.

Сошлемся еще на одну точку зрения. «Те, кто хотят сохранить в значительных масштабах государственное производство, а также средства – будь то финансы или предметы широкого потребления, распределяемые государством на социальные нужды, - должны знать, что как неизбежно планирование производства внутри предприятия, так тем более оно неизбежно в государственном масштабе, если национальная экономика останется в ведении государства. Государственным производством неизбежно будут руководить чиновники, число которых будет большим. И неизбежность планирования, и наличие чиновничества в больших масштабах – людей, поневоле живущих администрированием, - будут представлять собой постоянный источник диктаторства. Этот источник должен быть упразднен. Другого не дано». «Коммунистическая (общественная) собственность, возникшая на основе упразднения частной собственности, оказалась несостоятельной. Потому что она, будучи результатом труда всего народа, тем не менее, оказывается в

преимущественном пользовании тех, кто ею распоряжается, т.е. бюрократии, превращающей государство в свою частную собственность, становящейся благодаря этому господствующим классом угнетателей народа – «наемника», лишенного собственности.

Извечное наше техническое и технологическое отставание от западных народов – явление вторичное. Первичное и главное – это отставание в социальном развитии... Основной же причиной социального отставания являются несоответствующие развитию экономики отношения собственности, препятствующие формированию мощного, крепкого, устойчивого многомиллионного среднего класса собственников», - считает профессор, доктор исторических наук А.Х. Бурганов².

Итальянский историк Андреа Грациози в своем очерке «Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933», не претендуя на решающее слово по рассматриваемой теме, дает обзор конфликта новорожденного Советского государства с подавляющим большинством его собственного населения в лице крестьянства. По его мнению, этот конфликт стал наиважнейшим фактором довоенной советской истории и заслуживает определения «крестьянская война». В качестве доказательной базы автор опирается на такой критерий, как количество жертв. Их было приблизительно 12-15 млн. человек – цифра неточная, скорее, указывающая на порядок величины. Война против крестьянства, считает Грациози, явилась самостоятельным источником регресса. Сталинская эпоха представляет собой особенно жестокий вид деспотизма, использующего находящиеся в его распоряжении современные средства для контроля и регламентации жизни общества, искореняя его собственную инициативу. На близость сталинского режима к деспотизму, а не к классическому тоталитаризму указывает ряд черт: сбор дани и методы его проведения; восстановление в деревне особого рода крепостничества; широкое использование квази-рабского труда в

промышленности и строительстве; многие черты характера самого деспота³.

Финский специалист по истории культуры Тимо Вихавайнен в монографическом исследовании «Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции», размышляет: «После коллективизации и последовавшего за ней голода Сталин несколько раз обещал крестьянам обеспечить им «зажиточную» и «вполне культурную» жизнь. Очевидно, что культурная жизнь предполагала определенный уровень материального благосостояния. Не вызывало сомнения, что нельзя быть культурным и жить на грани выживания, ведь «культурная жизнь» означала также высокий уровень гигиены (хорошие колодцы, целые стекла в окнах, отсутствие насекомых – паразитов и пр.). Не говоря уже о том, что использование для работы в поле трактора вместо лошади и другой техники тоже требовало определенных культурных навыков...

К моменту наступления социализма развитие крестьян все еще отставало от уровня рабочих, что было принято во внимание в Конституции 1936 года. Их социальное положение (как коллективных, но все же собственников средств производства), и наличие своего участка, и поденная работа, и образ жизни все еще сохраняли налет мелкобуржуазности. Крестьяне фактически оставались гражданами второго сорта до конца существования Советского Союза». Сравнивая СССР с другими европейскими государствами, автор замечает, что советский цивилизационный процесс отличался эгалитаризмом, а также упором на то, что «культурное развитие является долгом гражданина перед обществом и коллективом, а не индивидуальным и личностным поиском»⁴.

Обратимся же к научному наследию советских экономистов – аграрников тех лет, уточняя и дополняя их сюжеты опубликованными и архивными материалами, монографическими исследованиями

современных зарубежных и отечественных обществоведов. Главным действующим лицом нашего повествования будет жизненный путь экономиста Михаила Ильича Кубанина (30.06.1898 - 13.10.1941). К сожалению, в архиве Института экономики РАН нам не удалось обнаружить личное дело Кубанина. В ходе архивных изысканий нам удалось познакомиться со старшей дочерью ученого. Мария Михайловна любезно предоставила нам документальные материалы о последних днях жизни своего отца, которые мы используем в тексте нашей статьи. Итак, основные вехи послужного списка М.И.Кубанина.

- 1898 г. Родился в деревне Красково Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии Украины.
- 1915-1917 Саратов. Техническое училище, учащийся.
- 1917-1921 Служба в Красной Армии, заместитель комиссара дивизии, комиссар полка, участник Гражданской войны на Украине
- 1921-1923 Студент МВТУ
- 1926-1928 Слушатель Института Красной профессуры в Москве
- 1926-1928 Редактор журнала «На аграрном фронте» Комакадемии
- 1928-1930 Заведующий плановой секции Наркомата земледелия
- 1930-1933 Член коллегии и заведующий плодоовощным сектором Наркомата земледелия
- 1933 Член коллегии и начальник сельскохозяйственного сектора ЦУНХУ СССР
- 1933-1934 СНК СССР. Член комиссии по определению урожайности и заведующий планово-экономическим сектором сельхозотдела ЦК ВКП(б)
- 1934-1936 Комакадемия и АН СССР, научный работник
- 1938-1941 Институт экономики АН СССР, старший научный

сотрудник

Выступая перед делегатами XVIII съезда правящей партии в марте 1939 г., И.В. Сталин говорил: «Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»⁵. Съезд определил в качестве важнейшей задачи 3-го пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938-1942 гг.) догнать наиболее развитые капиталистические страны: «...поднять народное потребление в полтора-два раза. Для этого, наряду с усиленным подъемом тяжелой и оборонной индустрии, необходимо развернуть работу по поднятию производства товаров широкого потребления и пищевых продуктов...»

Основной груз выполнения этой архисложной задачи ложился на плечи работников сельского хозяйства. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в этой отрасли советского народного хозяйства было занято 40.197.125 человек, в том числе 20.978.679 женщин (или 52,2 % от общей численности работников). Сводная цифра расшифровывалась следующим образом:

Отрасли	Всего	В том числе женщин
---------	-------	--------------------

народного хозяйства и отдельные производства	имеющих занятие	Число лиц	В % к общему числу лиц, занятых в данном производстве
Совхозы	1.446.920	505.945	35,0
Машинно-тракторные станции	1.382.303	101.074	7,3
Колхозы	35.096.848	19.156.807	54,6
Промколхозы	111.506	35.971	32,3
Прочие сельскохозяйственные предприятия государственных, кооперативных и других общественных организаций	355.297	136.236	38,3
Предприятия и учреждения по обслуживанию сельского хозяйства и тресты (кроме наркоматов, отделов исполкомов и советов)	219.392	54.985	25,1
Единоличные крестьянские хозяйства	1.584.859	987.661	62,3

(Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 98)

Ярославский профессор, известный историк-крестьяновед В.Т. Анисков в своей монографии «Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига» приводит данные о численности трудоспособных колхозников на 1 января 1941 г. Всего трудоспособных 35.448,3 тыс. чел., из них мужчин 16.873,4 тыс., женщин 18.574,9 тыс. чел.⁶

Заявленная политическая задача напрямую касалась и советского научного сообщества. Новые гипотезы, идеи, концепции, сорта растений, породы животных ожидалось политическим руководством страны от биологов, агрономов, зоотехников, ветеринаров и других отраслевых научных направлений сельскохозяйственной науки. Не осталась в стороне и советская экономическая наука.

В практику института экономики АН СССР в 1939 г. вошли общеинститутские научные совещания при дирекции, на которых руководители секторов и старшие научные сотрудники академического центра докладывали о своей научно-исследовательской работе, делали сообщения о новинках научной литературы, о результатах научных командировок.

Первое совещание состоялось 21 ноября 1939 г. На нем выступил старший научный сотрудник, доктор экономических наук М.И. Кубанин с сообщением на тему «Методология исчисления уровня производительности труда в сельском хозяйстве». «Достаточно широко известны уровень и темпы роста производительности труда в промышленности СССР по сравнению с капиталистическими странами. Совершенно не изучен этот вопрос в отношении сельского хозяйства»⁷. Плановая научно-исследовательская работа экономиста, однако, разрослась и помимо чисто методологических расчетов подвигла автора

на основе статистических материалов проанализировать уровни производительности труда дореволюционной России, СССР, США, Германии, Великобритании и ряда других государств. Научные изыскания Кубанина нашли поддержку в лице будущего академика Е.Варги.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в отечественном сельском хозяйстве было занято мужчин 36.169.978 и женщин 35.564.910, всего 71.734.888 человек. За 1927-1928 гг. количество лиц взрослого населения в рабочем возрасте, принимавших участие в сельском производстве, могло вырасти самое большее на 2 %, или, примерно, на 1,4-1,5 млн. чел. Таким образом, автор определял количество сельскохозяйственных работников зимой 1928 года в 73,2 млн. чел. без 1.676 тыс. наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве. В статистическом справочнике «20 лет Советской власти» (М., 1938) указано, что в 1929 г. в колхозах находился 1 млн. крестьянских дворов или 3,9 % к общему числу хозяйств. В общей сложности в том же году на селе существовало 25 млн. крестьянских хозяйств.

В 1937 г. было вовлечено в колхозы 93 % крестьянских хозяйств, следовательно, на единоличные крестьянские дворы приходилось всего 7 %. По материалам годовых отчетов на 1 января 1938 г. в колхозах состояло 18.499,6 тыс. крестьянских дворов, соответственно, общее количество крестьянских хозяйств (коллективизированных и единоличных) достигало на 1 января 1938 г. 19.892,0 тыс., а число единоличных дворов – 1.392,4 тыс. Из 40.208 тыс. колхозников, принимавших участие в производстве, (по учтенным 98,6% колхозам), было 17.016,3 тыс. мужчин, 18.356,9 тыс. женщин и 4.834,8 тыс. подростков от 12 до 16 лет. Количество лиц, работавших в 1937 г. в МТС и получавших заработную плату от государства без доплаты в колхозах, составило, по данным наркомата земледелия СССР, 477.092 чел. Число

работников совхозов, по данным статистиков, достигло в 1938 г. 1.517,7 тыс. чел.

Экономисты тех лет широко использовали методику перевода в условный мужской труд, разработанную ЦСУ СССР. Рабочая сила женщин и подростков переводилась в условную мужскую рабочую силу по следующим коэффициентам: мужчина = 1, женщина = 0,8, подросток = 0,6. Будучи несогласным с этим статистическим приемом в отношении перевода труда женщин в условный мужской труд, Кубанин все же прибегал к нему для исчисления динамики рабочей силы в сельском хозяйстве.

В 1939 г. ЦУНХУ Госплана СССР опубликовало статистико-экономический сборник «Производительность и использование труда в колхозах во 2-й пятилетке». Работа явилась результатом годового обследования 430 колхозов 10 краев и областей СССР на протяжении 1937 г. Специально выделенные учетчики фиксировали затраты труда в человеко-днях. В сборнике приведены данные о затратах труда на 1 га и 1 ц основных культур полеводства (озимые, яровые, кукуруза, просо, лен, картофель, сахарная свекла, подсолнух), на 1 голову продуктивного скота (крупный рогатый скот, свиньи, овцы). К сожалению, в работе представлены только конечные выводы, но совершенно замалчивались методологические приемы применявшихся исчислений. Это не совсем оправданно в экономической работе, поскольку ряд цифровых данных был получен не путем регистрации, а вычислением. В книге отсутствовало понятие «рабочий день». Обычно простои во время работы в поле достаточно велики, и статистикам следовало бы провести хотя бы в небольшом количестве колхозов хронометраж фактического рабочего дня. Это позволило бы установить реальные затраты труда колхозников. Можно назвать и другие недочеты сборника. Но авторы с успехом выполнили идеологическую установку, поставленную властями перед

ними, а именно: языком цифр доказать, что коллективизация труда и средств производства, снабжение села тракторами, комбайнами и другими машинами дали возможность повысить производительность труда в советской деревне. Если по бюджетным данным крестьянские хозяйства в 1922-1925 гг. затрачивали на 1 центнер зерна 3,2 человека-дня, то в 1933 г. – 1,7 человеко-дня, а в 1937 г. – всего 1 человеко-день. Причем урожай зерновых в 1937 г. был значительно выше, чем за ряд предшествующих лет (1934 - 1936 гг.). В 1937 г. сбор зерновых с 1 гектара составил 8,8 ц, тогда как в 1935 г. - 6,7 ц; в 1936 - 6,2 ц.

В 1939 г. засуха охватила многие регионы СССР, особенно пострадали поволжский и центральный. Следующий год оказался более благоприятным для урожая зерновых. Большое количество осадков, выпавших осенью и в течение зимы, явились предвестниками хорошего урожая. Если из 50 последних лет в волжских и южных областях было 17 засушливых лет, то в Сибири их было только 5, и то частичных, не охватывающих больших территорий. Многочисленные водные бассейны, реки, озера, Саянские и Алтайские горы, защищающие от сухих восточных ветров, большие лесные массивы, все это создавало благоприятные условия для устойчивых урожаев. Пахотные земли 10 восточных областей и краев (Новосибирская, Омская, Челябинская области, Алтайский и Красноярский края РСФСР, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Кустанайская, Карагандинская и Восточно-Казахстанская области Казахской ССР) составляли 39 млн., сенокосы – 19 млн., выгоны – 35 млн. га. Кроме того, не извели плуга около 14 млн. га целинных и залежных земель. На Украине на 1 колхозный двор приходилось 9 га земли. В Российской Федерации в Калининской (ныне Тверской) области – 14 га, в Московской – 8 га, в Воронежской – 11 га, в Курской – 10 га, а в Красноярском крае – 59 га, в Новосибирской и Омской областях – по 49 га, в Алтайском крае – 47 га⁸. Как видим, советское политическое

руководство считало, что отечественное сельское хозяйство будет прирастать за счет Сибири и Казахстана.

Кубанин приводит весьма примечательную таблицу:

Средняя урожайность зерновых в СССР и странах Европы в 1933-1937 гг. (в центнерах с 1 га)

Страны	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес
Дания	31,3	17,3	28,4	25,9
Голландия	29,6	23,3	28,7	23,9
Бельгия	26,5	23,9	26,1	26,5
Ирландия	24,6	18,6	25,1	24,5
Швеция	23,6	19,4	20,1	18,2
Великобритания	22,8	16,1	20,6	20,4
Германия	22,2	17,1	20,9	19,9
Швейцария	22,2	20,5	18,6	20,5
СССР	10,9*	9,6	10,0	9,9

* Пшеница взята только озимая.

(Кубанин М.И. Душевые нормы сельскохозяйственного производства в СССР и капиталистических странах // Проблемы экономики, 1940. № 5- 6. С. 113).

Из таблицы видно, что урожайность пшеницы в Советском Союзе за указанные годы в 3 раза ниже, чем в Дании и Голландии, в 2,5 раза ниже, чем в Бельгии, Ирландии и Швеции, и в 2 раза ниже, чем в Швейцарии, Великобритании и Германии. По другим зерновым культурам урожайность в СССР в 2-2,5 раза ниже, чем в перечисленных выше странах. Урожайность картофеля, играющего ведущую роль в рационе питания советских граждан, также была ниже, чем в ряде европейских стран.

В СССР в 1937 г. из общей площади страны в 2.115,4 млн. га земель сельскохозяйственного значения (пашня, луга, пастбища и сады) было

621,3 млн. га, что составляло на душу населения всего 3,7 га. Советский Союз освоил под посевы 137 млн. га земель сельскохозяйственного назначения или 0,8 га посева на душу населения. Слабость зерновой базы сказывалась на развитии отечественного животноводства. В мясном балансе развитых европейских стран в 1930-е годы ведущее место занимала свинина. Это имело свое рационально-экономическое обоснование. На 1 кг прироста говядины в те годы требовалось от 5,9 до 7,9 кг крахмальных эквивалентов, в то время как на 1 кг свинины в 2 раза меньше, т.е. только от 2,1 до 4,2 кг. В килограмме свинины содержится 2700 калорий, тогда как в килограмме говядины только 1580 калорий. К тому же свиноводство выделялось быстрым получением привеса. В годовалом возрасте свинья уже дает потомство, принося 1,5-2 опороса в год, тогда как корова достигает зрелости в возрасте 2,5 лет.

В США в 1937 г. поголовье свиней насчитывало 44,4 млн. голов, т.е. условно говоря, на каждого американца приходилась одна треть свињи. В Германии в том же году было 23,8 млн. свиней, т.е. примерно такое же соотношение. В Советском Союзе на начало 1938 г. свиное стадо составляло 25,7 млн. голов, т.е. на каждого советского жителя приходилось 1/6-1/7 свињи. Таким образом, обеспеченность свиной по отношению к численности населения СССР была более чем в 2 раза ниже, чем в США и Германии. Признанным мировым лидером в производстве экспортной свинины оставалась Дания. На каждого жителя этой небольшой европейской страны приходилось 0,8 свињи. Однако, если США и Германия выращивали свиней для внутреннего потребления, то датчане для продажи на мировом рынке и потому потребление свинины внутри страны было гораздо ниже производства.

Отставание в развитии кормовой зерновой базы негативно сказывалось и на развитии отечественного птицеводства. В США маточное поголовье кур равнялось 450 - 500 млн. шт., т.е. на каждого

американца приходилось 4 - 5 взрослых куриц. По сообщению наркомата мясной и молочной промышленности на VI сессии Верховного Совета СССР в стране насчитывалось в 1940 г. 160 млн. кур или примерно в 3 раза меньше, чем в США.

Еще более неприглядная картина вырисовывалась в отношении поголовья крупного рогатого скота.

Виды крупного рогатого скота	СССР (на 1.01.1938)	США (по данным сельхозпереписи на 1.01.1930)*
Весь крупный рогатый скот	50.920,1 млн. голов	59.730 млн. голов
В том числе:		
а) коровы	22.686,3	22.910
б) прочий взрослый скот (быки, волы)	4.994,6	27.115
в) молодняк (от 1 до 2 лет)	10.206,6	4700
г) телята (до 1 года)	13.032,6	5005

*По данным переписи в США числилось 6.012 тысяч фермеров и арендаторов, 2.733 тыс. наемных рабочих, 1.660 тыс. так называемых «помогающих членов семьи», включая 475 тыс. женщин.

(Проблемы экономики, 1940. № 5- 6. С. 114; Большевик, 1941. № 6. С. 94).

Оставляя вне поля нашего зрения последствия сплошной коллективизации для численности поголовья крупного рогатого скота в Советском Союзе, обратимся к структуре стада, представленной в вышеприведенной таблице. Поскольку за весь период советской истории так и не удалось изменить динамику этой структуры. Как видим, в США, помимо стада дойных коров, имелось стадо быков, откармливаемых для убоя на мясо. Эта категория скота выступала основным источником

получения говядины и кожи для североамериканцев. Все быки выращивались нагулом в степях, а за 3 месяца до забоя усиленно откармливались в специализированных фермерских хозяйствах кукурузного пояса страны. Преобладание молодняка (телят и нетелей) в СССР объяснялось преобладанием зимнего отела. В США, где отел распределен в течение года более равномерно, не могло возникнуть такое сгущение молодняка в зимние месяцы. В советском государстве только незначительная часть приплода быков оставалась на племя и на выращивание волов, остальные шли под нож мясника. Средний живой вес одной головы взрослого продуктивного скота в США достигал в 1937 г. 211,4 кг, в то время как у нас средний вес быка равнялся 206 кг, а коровы – 129 кг.

Узость кормовой базы в нашей стране сказывалась на производстве молока. В те годы экономисты анализировали три основных источника кормовых ресурсов: искусственная кормовая база (сеяные травы, силос, корнеплоды), естественная кормовая база (природные луга и пастбища), кормовые отходы пищевой промышленности (жмыхи, жом, барда, мясокостная и рыбная мука, комбикорма). В СССР площадь постоянных лугов и пастбищ составляла 55 % всех используемых земельных угодий, а площадь пашни – 36 %, т.е. в 1,5 раза меньше. Традиционно луга и пастбища используются для летнего выпаса скота и сенокосов, но зимой, при отсутствии или недостаточном количестве кормов, животные теряют то, что приобрели за лето и осень, тем самым значение лугов и пастбищ сильно обесценивается. В то же время одностороннее продовольственно-зерновое направление сельскохозяйственного производства при слабом развитии животноводства экономически не выгодно, поскольку снижает продуктивность сельского хозяйства в целом. Выход усматривался в правильном сочетании полеводства с развитым животноводством. Даже делались ссылки на западный опыт. Выгода, получаемая от посева

интенсивных кормовых культур с последующим скармливанием скоту, по сравнению с производством зерна, явилось причиной трансформации сельского хозяйства Дании в 20 веке из зернового в интенсивно животноводческое. В СССР же площадь под продовольственными культурами относилась к площади под сеянными кормовыми как 1,8:1, тогда как в США соотношение было обратное – 1:2,5. Таким образом, в США площадь кормовых злаков превышало советские посевы в 4,5 раза.

Одной из причин тормозящих рост доходности советского колхозного животноводства, специалисты находили в наличии большого количества мелких ферм или как тогда писали: «карликовых». На начало 1939 г. из общего числа колхозов СССР 15 % не имели коров, 34 % имели менее 10 коров, 29 % - от 10 до 25 коров, и лишь 22 % - более 25 коров. Не имели свиней 44 % колхозов, имели свиней без маток – 6 %, насчитывали 1- 4 свиноматки – 15 %, от 5 до 9 – 12 %, от 10 до 19 – 13 %, 20 и более свиноматок – только 10 % колхозов. Аналогичная ситуация складывалась и с поголовьем овец⁹. Напомним, что к этому времени в стране насчитывалось более 243 тыс. колхозов.

Даже в 1938 г., наиболее благоприятном для нас в отношении кормов в силу высокого урожая предыдущего года, средняя удоимость одной коровы по колхозам составила 1100 кг, тогда как в США в 1929 г. – около 2000 кг. Все это обуславливало разницу в уровне душевого потребления молока и молочных продуктов. Достаточно указать, что уровень потребления молока в первой половине 30-х годов на человека в Румынии составлял 94,5 кг, в Италии – 108 кг, в Польше – 225 кг. Среднее место заняли Франция с 310 кг и Германия – 355 кг. Еще более высокий уровень сложился в таких индустриальных государствах, как Бельгия (360 кг), Чехословакия (373 кг), Великобритания (400 кг). В СССР на душу населения в 1938 г. было произведено молока 169,6 кг, а мяса и сала – чуть более 21 кг¹⁰.

Структура советского экспорта продовольствия и товаров
ширпотреба в 1937 г.

Наименование продукции	произведено	экспорт	Экспорт в % к производству
Зерновые (млн. ц)	1.202,9	12,8	1,1
Мясо и сало (млн.т, данные 1938 г.)	3.607	2,2	0,6
Молоко (млн. т, данные 1938 г.)	28.861	288,0	1,0
Сахар (тыс. т)	2.421.	134	5,5
Мыло (тыс. т)	495	-	-
Хлопчатобумажные ткани (млн. м ²)	3.447	-	Меньше 1
Шерстяные ткани (млн. м ²)	108	-	0
Кожаная обувь (млн. пар)	183	-	0

(Проблемы экономики, 1940. № 5- 6. С. 152)

Как видно из таблицы Советский Союз значительно отставал от стран Запада по размерам производства на душу населения мяса, молока, тканей, обуви и мыла.

Сырьевая база отечественной текстильной промышленности также уступала показателям западных государств. Стадо овец и коз в СССР в 1938 г. составило 102,5 млн. голов, а настриг шерсти – 133 тыс. тонн. Из общего сбора шерсти только 10,5 % приходилось на шерсть тонкорунных пород овец и более 63 % - на грубые. В США в том же году насчитывалось 52,9 млн. голов овец, а производство шерсти составило 196,2 тыс. тонн. Таковую разницу, когда поголовье в 2 раза больше, а сбор шерсти почти на 50 % меньше, советские экономисты объясняли большим забоем молодняка и меньшим настригом шерсти с одной овцы. Тем более, что грубошерстная овца менее продуктивна, чем тонкорунная.

Отечественные экономисты были солидарны в том, что в колхозах имеются огромные резервы свободного труда, не участвующего в общественном производстве. В обследованных колхозах в 1937 г. на 1 двор проработано было в среднем 349,28 человеко-дня, включая работников МТС и прочих¹¹. В это число входил труд взрослых и подростков. Взрослых на 1 двор приходилось двое. Даже если пренебречь тем, что часть работы выполнялась подростками, а статистики считали их рабочий день равным рабочему дню взрослых, то и тогда на 1 взрослого колхозника приходилось 175 рабочих дней. Если взять труд одних взрослых членов сельхозартели в возрасте 16 - 59 лет (исключая механизаторов МТС), то на одного взрослого приходилось 152 рабочих дня. Загруженность колхозников, считали экономисты, низка не только в зимние месяцы, но и летом. Даже в июле в среднем на один двор приходилось затрат труда (исключая механизаторов МТС): мужчин – 18,96 дня, женщин – 18,13; соответственно в декабре – 13,32 дня затрат труда и 6,23 дня¹². В то время как в США загруженность работников, занятых в сельском хозяйстве исчислялась в 2500-3000 часов, т.е. считая по 10 часов в день или 250-300 рабочих дней в году.

Фрагментарно освещали экономисты и оплату труда колхозников. «Трудодень – мера количества и качества непосредственно-общественного труда, вложенного колхозником в коллективное производство, и, соответственно, мера участия колхозника в распределении колхозного общественного продукта»¹³. Вроде бы с теоретической точки зрения все понятно в этом определении. Вместе с тем, число взрослых колхозников, не выработавших ни одного трудодня в 1937 г., составило по всем колхозам страны 4.724,5 тыс. чел., что, бесспорно, является крупной величиной. Эти лица вели свое приусадебное хозяйство, имели продуктивный скот, в частности, коров. Огородная и животноводческая продукция этих хозяйств вошла в общий

валовой сбор страны, а работники эти не были включены в число сельскохозяйственных производителей. Считалось, что это в подавляющем большинстве колхозники, ушедшие из деревни на работы в город, МТС или совхозы, и не оформившие своего ухода из колхоза, а также домашние хозяйки, занятые только домашним трудом¹⁴.

Трудодень как форма оплаты труда появился в годы сплошной коллективизации. До этого сельхозартели распределяли доходы по числу едоков; по числу работников; по количеству труда в сочетании с размером средств производства; по внесенному паю; по количеству обрабатываемой земли и т.п.

2 марта 1930 г. был опубликован Примерный устав сельскохозяйственной артели. В разделе «Организация и оплата труда» устава указывалось: «Для правильной организации труда членов артели устанавливаются нормы выработки и расценки по отдельным видам работ, производится учет количества и качества работы, применяются сдельная оплата труда и урочная система». Как видим, устав давал только общие положения организации и оплаты труда. Вопрос – каким способом исчислять оплату? В какой форме ее производить? Оставались без ответа. В апреле того же года последовало разъяснение наркомата земледелия и Колхозцентра СССР к уставу. Оно запрещало производить оплату труда только деньгами и рекомендовало ввести оплату также натурой, исходя из итогов уборочной и других доходов колхоза.

Совещание по этому вопросу в Колхозцентре СССР в апреле 1930 г. предлагало: «Окончательное распределение доходов между членами колхоза должно быть произведено в конце года деньгами и натурой, причем все доходы должны быть распределены пропорционально начисленным каждому члену колхоза условным единицам (дням, рублям и т.п.)». Таким образом, за единицу измерения принимался «условный рубль». Последний вносил в расчеты с колхозниками путаницу.

Крестьянин условностей не признавал и требовал расчета за выполненную работу в реальных советских рублях. 6 июня 1930 г. появился циркуляр Колхозцентра СССР, предписывающий «...необходимо установить оценку и учет труда в колхозах не в рублях, как это производится в настоящее время, а в трудоднях.

Система учета труда в трудоднях, по сравнению с учетом труда в денежных единицах, наиболее целесообразно обеспечивает распределение доходов между колхозниками по количеству и качеству затраченного труда и способствует установлению оплаты труда в зависимости от результатов коллективного хозяйства».

В январе 1931 г. состоялось Всесоюзное совещание колхозников по труду. В его постановлении говорилось: «Поступающая в распределение между колхозниками часть доходов колхоза распределяется между ними исключительно по количеству и качеству труда, выраженному в трудоднях. Запретить распределение дохода по едокам, душам, земле и т.п.» Предлагалось установить на основе норм выработки сдельную оценку каждой единицы работы в трудоднях – за гектар вспашки, посева, боронования и т.д. Все работы распределялись на 4 группы: легкие, средние, тяжелые и требующие определенной квалификации. За выполнение нормы выработки в пределах каждой группы устанавливалась оценка в трудоднях: 0,75 – 1,0 – 1,25 – 1,50 трудодня.

Решением У1 Всесоюзного съезда Советов в марте 1931 г. трудодень закреплялся как единая система учета количества и качества труда в колхозах: «...в основных сельскохозяйственных работах: пахоте, севе, прополке, уборке, молотье массовое распространение должна получить сдельная работа, оцениваемая в трудоднях».

Классификация работ на 4 группы, установленная в 1931 г., сменилась в следующем году разделением всех работ на 5 групп. С февраля 1933 г. постановлением союзного наркомата земледелия «Об

оценке в трудоднях различных сельскохозяйственных работ в колхозах» вводится новое деление работ на 7 групп. За выполнение норм по 1-й группе начислялось 0,5 трудодня, по 7-й группе – 2 трудодня. Работы механизаторов (тракториста, комбайнера и др.), включенных в 7 группу, оплачивались, таким образом, в 4 раза выше, чем труд сторожей и уборщиц, входивших в 1-ю группу. Одновременно были пересмотрены и нормы выработки.

Эта система с частичными поправками и дополнениями действовала до конца 1930-х годов. Любопытные данные об удельном весе женского труда в колхозном производстве второй половины рассматриваемого десятилетия дает следующая таблица:

Группы по выработке трудодней	1936 год (данные по 95,6 % колхозов)		1938 год (данные по 98,4 % колхозов)	
	Число женщин		Число женщин	
	В тыс. чел.	В % к итогу	В тыс. чел.	В % к итогу
До 50 трудодней за год	4.203,7	23,5	4.335,5	23,2
51-100 трудодней за год	4.181,5	23,4	3.721,7	19,9
101-200 трудодней за год	5.965,3	33,3	5.914,4	31,6
201-300 трудодней за год	2.483,4	13,9	3.049,1	16,3
301-400 трудодней за год	772,7	4,3	1.114,9	6,0
Свыше 400 трудодней за год	289,6	1,6	570,2	3,0
Всего принимало участие в работах колхозов	17.896,2	100,0	18.705,8	100,0
Не принимало участие в работах колхозов	2.240,8		1.603,4	

(Проблемы экономики, 1940. № 7. С. 119).

По данным бюджета времени колхозников за январь-сентябрь 1936 года, на производственный труд мужчины затрачивали 8 часов 7 минут в среднем в сутки на 1 обследованное лицо, а женщины – 5 часов 51 минуту. Но если сюда еще присоединить прочие трудовые затраты, то рабочий день колхозника достигал 9 часов 58 минут, а колхозниц – 11 часов 34 минуты. Основную долю этих «прочих трудовых затрат» составили у женщин работы на домашнем подворье и приусадебном участке, обслуживание семьи. Выходило, что трудовой день колхозниц по своей структуре распадался на две неравнозначные половины – в колхозе и дома¹⁵.

Удельный вес приусадебного хозяйства колхозников достигал значительной величины. По данным советской статистики колхозники получали от личного хозяйства 21,5 % всей валовой продукции сельского хозяйства страны и 34,2 % валовой продукции, произведенной колхозами. С позиции баланса труда затраты времени в часах составляли у мужчин–колхозников в 1937 г. на приусадебное хозяйство около 9,8 % их затрат времени в колхозах, а у женщин – 69,7 %. Таким образом, колхозницы затрачивали на подсобное хозяйство примерно в 4 раза больше времени, чем мужчины¹⁶.

Сведения о привлечении женщин на руководящую работу в колхозах

Выполняемая работа	На 1.01.1936		На 1.01.1938		На 1.01.1939
	Число женщин	% женщин к общему итогу	Число женщин	% женщин к общему итогу	Число женщин

Председатели колхозов	3.800	1,7	6.146	2,6	6.350
Заместители председателей колхозов	4.677	3,6	6.462	4,4	6.873
Председатели ревизионных комиссий	4.325	2,2	7.086	3,0	8.187
Заведующие животноводческими фермами	25.738	16,2	33.248	18,3	33.543
Бригадиры-животноводы	-	-	12.972	19,0	10.170
Зоотехники и ветфельдшеры	362	2,0	2.167	4,1	2.677
Агрономы и техники-полеводы	142	6,1	766	4,8	1.695
Бригадиры-растениеводы	11.159	2,4	22.235	4,2	26.074
Бухгалтеры-счетоводы	7.311	3,5	15.480	6,2	17.207
% охвата колхозов	-	88,0	-	98,5	-

(Проблемы экономики, 1940, № 7, С. 120).

Как видим, в таблице отсутствуют данные на начало 1937 года, ставшего ядром Большого террора, когда по заранее установленным партийно-государственными органами разнарядкам было репрессировано по неполным сведениям около 770 тысяч советских граждан. В 2003 г. увидело свет на русском языке исследование немецких ученых Марка

Юнге и Рольфа Биннера «Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения». Интерес немцев к этой трагической странице советского периода отечественной истории объясняется просто. Марк и Рольф полагают, что такие понятия, как «социальная чистка», «социальная технология», «социальное инженерство» не могут более безоговорочно оставаться частью научных изысканий о природе германского национал-социализма. Авторы попытались сравнить сталинский СССР и гитлеровскую Германию на уровне карательного аппарата и главного направления репрессий. Они определили свои задачи как стремление проследить генезис, целевые установки и исполнение конкретного оперативного приказа наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в период между июлем 1937 и ноябрем 1938 гг. Одновременно составить абрис коллективного портрета многочисленных жертв приказа, используя данные собственных изысканий и материалы зарубежной и отечественной историографии Большого террора: «Кто, каким образом был арестован, казнен либо заключен в исправительно-трудовой лагерь».

В преамбуле приказа № 00447 говорилось: «Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много, в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий, а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т.п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорта и на строительство.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников – скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др., отбывших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности»¹⁷. Нетрудно заметить, что во всех трех абзацах приказа упоминается деревня, как среда обитания антисоветских элементов.

Основанием для ареста на взгляд авторов служил не имеющийся в наличии у репрессивных органов компромат, а такие факторы, как классовая принадлежность, политическое и социальное прошлое. В отношении уголовных преступников и маргинальных слоев это были рецидивизм, связи с преступным миром, отсутствие работы и определенного места жительства. Эти люди, поскольку не были политическими преступниками, и в наши дни не подлежат реабилитации или оправданию. Немецкие исследователи солидарны с точкой зрения американского историка Вейца Э., что «советская система никогда не была ориентирована на полное физическое уничтожение той или иной группы населения», и поэтому не совсем правомерно использовать термин «красный холокост» и ему подобные применительно к годам Большого террора¹⁸.

Основные этапы и конкретные детали Большого террора можно почерпнуть из многочисленных книг памяти жертв политических репрессий, издававшихся в субъектах Российской Федерации в последнее десятилетие XX века. Так, документальную хронику операции на северо-западе РСФСР можно проследить по обстоятельной вступительной статье

к 1 тому «Ленинградского мартиролога. 1937-1938»¹⁹. В наши дни стали появляться монографические исследования, освещающие деятельность низовых подразделений НКВД в интересующие нас годы. Одно из них посвящено отделу НКВД Кунцевского района тогдашней Московской области, ныне ставшего престижным Юго-Западом Москвы²⁰.

Книга выросла из работы, проведенной автором в составе общественной группы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий при правительстве Москвы. Архивные фонды низовых структур НКВД за предвоенный период не сохранились, а посему следственные дела репрессированных остаются практически единственным источником для реконструкции его истории. В ходе реабилитации периода «хрущевской оттепели» они были дополнены выписками из показаний осужденных сотрудников местных органов внутренних дел. Автор справедливо замечает, что материалы одного района не дают достаточного основания для обобщений, но рисуют портреты сержантов и лейтенантов госбезопасности низового звена. Лишь те из них, кто дослужился до высоких постов, удостоились интереса мемуаристов. Так, биографию начальника Лужского райотдела НКВД Ленинградской области, а впоследствии заместителя министра внутренних дел СССР Николая Кузьмича Богданова (1907-1972) изложил его сын Юрий в книге «Строго секретно. 30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД». (М., 2002).

Население Московской области составляло в предвоенные годы около 3,8 млн. человек без Москвы. По предварительным оценкам, каждая низовая структура НКВД, не считая его подразделений на транспорте, военных объектах и в местах заключения, приходилось на 60-70 тыс. советских граждан. Столь плотный охват населения чекистами обеспечил внезапность и размах репрессий Большого террора. Кунцевский район с населением около 200 тыс. человек, в состав которого входил 1 город и 38

сельсоветов, можно отнести к разряду типичных для центрального региона РСФСР в межвоенный период. Список жертв тамошнего райотдела НКВД с лета 1937 по весну 1938 гг., опубликованный в приложении к книге, включает более 560 имен. Причем женщины составили около 8 % от общего числа жертв, приговоренных к расстрелу. И тем не менее его нельзя назвать полным даже применительно к расстрелянным. Материал черпался из фонда архивно-следственных дел по политическим преступлениям, переданным в середине 1990-х годов из Управления ФСБ по Москве и Московской области в Государственный архив Российской Федерации. (ГА РФ). Автор самокритично замечает, что проведенное на примере Кунцево исследование не предполагает глобальных обобщений. Они станут возможны только тогда, когда будет накоплена критическая масса изысканий, посвященных террору районного масштаба.

Ватлин, опираясь на архивные документы, дает своеобразную родословную доносов. Значительное число последних выросло из персонификаций неурядиц, сотрясающих хозяйство района на 20-м году Советской власти. Их авторы по-своему переживали происходящее, указывая на пьянство председателей колхозов, хищения «социалистической собственности», оставленный под снегом урожай на полях и т.п. Определенная часть доносов рождалась из неприязненных отношений родственников. Речь идет о добровольных сигналах детей на родителей, зятьев на тещ, дававших первый толчок следственным действиям. И все же среди авторов доносов лидируют соседи. Скученность проживания, социальная неустроенность, соблазн поправить собственное положение за счет ближнего – все это заставляло их братья за перо и бумагу. Для многих потерпевших не вызвало сомнений то, что их жизнь искалечил «квартирный вопрос» или бытовой. Из доносов по месту службы сложнее вычленить сведения личных счетов, партийную

принципиальность и т.д. Очевидно одно, что по степени тяжести политические обвинения имели гораздо больший вес, нежели факты профессиональной некомпетентности. Идеологическая ошибка стоила дороже, чем развал работы во вверенном хозяйстве. Таким образом, письменные обращения в органы внутренних дел, использовались для сведения личных счетов, так и для сокрытия собственного непрофессионализма.

Террор 1937-38 гг. не имел аналогов в прошлом, которые заставили бы недовольных скрывать свои эмоции. Отсюда открытость и резкость высказываний еще не пуганых граждан, кажущаяся невероятной в условиях сталинского режима. Из письма москвички Анны Вышинскому А.Я. (январь 1940 г.): «На носу грозные события, а у людей силы уже не те, что были в начале революции. Все шепчутся, всем трудно и имя Сталина начинают склонять. Я сама слышала, как рабочая его назвала «гуталинщик». Сталина? Я должна была бы донести об этом в НКВД. Да, до 37 года, я бы это сделала, а сейчас нет – не могу, хотя и тяжело было слышать. Настроение у всех подавленное. Про газеты говорят – читать нечего! Награждение героев оскомину набило, над «потокм приветствий» смеются, словесная трескотня надоела. Из населения начали делать стадо баранов. А 20 лет прошло, да каких лет!». ²¹ Но были и такие, кто не шептал, а прямо называл вещи своими именами. Из письма рабочего-курянина К. Чаянова советскому политическому руководству (апрель 1940 г.): «Вот меня арестовали по подозрению и доносу как врага народа. При допросах били, мучили, пытали, собирались стрелять. Некоторые погибли от побоев. Знаете, бьют беспощадно прямо коленом под семенники. Или ставили с поднятыми руками возле стены, пока потеряешь сознание. И много кое-чего, даже описать нельзя... И что же – всех нас отпустили за недостатком улик и виновности. Зато по жизни мы больше негодны, мы инвалиды. За что же эти издевательства? Хотя с нас

берут подписку молчать, но мы не молчим, а рассказываем все, как было, конечно, это дойдет до иностранной печати непременно. Вы вспомните сами о себе – вы были когда-то царскими преступниками и крупнейшими преступниками, а били вас? Пытали? Вероятно, нет...».²²

Вряд ли стоит отмахиваться от «антисоветских высказываний», содержащихся в архивно-следственных делах о контрреволюционной агитации, считая их плодом фантазий сотрудников НКВД. Многие из того, что дошло до нас в протоколах допросов свидетелей, последние просто не могли выдумать эти частушки, анекдоты и другие формы народного фольклора. Скорее всего, авторство произведений подобного жанра не принадлежит ни следователям, ни обвиняемым. И те, и другие воспроизводили то, о чем говорили в пивных и на вокзалах, в очередях и на перекурах в поле или цехе. Работникам госбезопасности приходилось применять меры предосторожности в обращении с подобными материалами. Рассказанные подследственными анекдоты записывались отдельно и помещались в особый конверт, имя Сталина заменялось многоточием, а ругательства в адрес коммунистов подменялись наводящими словами типа «антисемитизм», «похабщина», «оскорбление» и т.п.²³

Для высказываний лиц, отнесенных к кулакам, характерна не только понятная озлобленность, но и ожидание близкой войны, которая завершится крахом советского политического режима. Это поистине самый упорный из слухов 1930-х гг., присутствующий в общественном сознании крестьян. Вторжение иноземных армий в СССР (как правило, назывались немцы, поляки, японцы) должно было привести к разгону колхозов и к тому, что «всех коммунистов повесят на первом столбе». Многие из раскулаченных были уверены в том, что хуже уже не будет, не предполагая, что власть может отнять у них последнее – саму жизнь.

Большой террор означал кардинальную перетряску кадров, он разрушил сложившиеся кланы от районного до государственного масштаба, вернул страху роль главного мотива продуктивной работы. Без подобного «кровопускания» сталинская модель модернизации страны была обречена на потерю темпа и застой. Такие потери, как в верхах, так и в низах, хладнокровно принимались в расчет, ведь в соответствии с большевистской логикой новые люди и новые кадры по определению должны были быть лучше старых.²⁴

В условиях репрессий женщины, начинавшие свою карьеру рядовыми колхозницами, назначались на ответственные административные должности. Так, в 1938 г. Молякова Х., организатор льноводческих звеньев после непродолжительного пребывания на посту председателя колхоза возглавила сельскохозяйственный отдел исполкома Совета Калининской области. Борисова Е.Е. стала директором совхоза в Старо-Юрьевском районе на Рязанщине, где до этого она проработала 8 лет дояркой. К 1939 г. 20 бывших колхозниц Московской области работали начальниками районных земельных отделов и их заместителями. Эти должности женщины никогда не занимали.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Л.Н. Денисова в своей монографии «Женщины русских селений. Трудовые будни» в той или иной мере затрагивает проблемы деревенской жизни 1930-х гг. Автор подчеркивает, что это был период наиболее острой борьбы женщин села за эмансипацию и именно в эти годы были достигнуты наибольшие результаты в раскрепощении крестьянок. Исследователь останавливается и на проблеме цены борьбы за равноправие на селе. Тракторы и комбайны тех лет, произведенные в Советском Союзе, являлись калькой известных американских машин, разработанных в расчете на мужчин. Тяговые усилия рулевых рычагов у первых советских тракторов достигали 30-40 кг. Аварии и поломки машин

были привычным делом. Женщины-механизаторы находили конструкцию сидения крайне неудобной, зачастую с него трудно было дотянуться до педалей или руля. Работа в поле не лучшим образом отражалась на личной жизни девушек и женщин. Деревня одинаково осуждала и замужних женщин-механизаторов, и незамужних. Даже если дело не доходило до семейных конфликтов, то вождение машины трудно сочеталось с материнством, поскольку механизаторы проводили большую часть рабочего времени вдали от дома. В рассматриваемый нами период свыше 40 тыс. женщин работали трактористами, около 10 тыс. – комбайнерами, до 3-х тыс. – штурвальными на комбайнах.

В отличие от работы механизатора – сезонной, в животноводстве трудились круглый год. Начиная с 1930 г. в этой отрасли доминировали крестьянки. От 750 тыс. до 1 млн. женщин в конце рассматриваемого десятилетия работали доярками, хотя эта профессия была самой трудоемкой в сельском хозяйстве. Рабочий день животновода привязан к 3 дойкам коров, первая из которых приходится на 4-5 часов утра, а последняя – на 22-23 часов вечера, вся работа на ферме производилась вручную: трижды подоить коров, накормить и напоить буренок, убрать навоз и т.д. Практика доения «3 раза в день» порождала длинный рабочий день с короткими перерывами между дойками. А ведь еще нужно было успеть управиться по дому и на личном подворье.

Еще одной сферой массового применения женского труда в деревне оставались полеводство, овощеводство и садоводство. Работа в них сезонная, низкоквалифицированная и малооплачиваемая. В 1940 г. 2/3 женщин были заняты ручным трудом в колхозах. Если в советской промышленности за рассматриваемый период большинство стахановцев были мужчины, то в сельском хозяйстве 80 % стахановцев – это женщины. Среди полеводов они составляли еще больший процент. В 1934 г. на Украине комсомолка Мария Демченко организовала звено из 8

девушек по выращиванию сахарной свеклы. За ним закрепили 4 га земли. Все работы по возделыванию свеклы, за исключением вспашки, выполнялись вручную. Звено Демченко в 1934 г. получило 469 ц сахарной свеклы с гектара, в 1935 г. – 524 ц при средней урожайности в колхозах до 150 ц с гектара. В то время как животноводы были заняты круглый год, полеводы зимой оказывались «безработными», соответственно и оплата их труда была много меньше. В основном в этой отрасли сельского хозяйства трудились пожилые замужние женщины с низким уровнем образования и без достаточных профессиональных навыков. Эта работа привлекала и матерей с малолетними детьми в силу сезонности и отсутствия строго календарного графика. Женский ручной труд широко применялся в выращивании хлопка, риса, табака, плодов.

В конце 1930 годов многие наиболее известные всей стране стахановки: Мария Демченко, Паша Ангелина, Паша Ковардак и другие были зачислены в высшие сельскохозяйственные учебные заведения. Однако получить дипломы о высшем образовании удавалось далеко не всем. В сельском хозяйстве на административных постах и среди дипломированных специалистов число женщин было наименьшим в ряду ведущих отраслей народного хозяйства. Анализируя распределение населения по уровню образования в конце 1930-х гг., исследователи пришли к выводу, что слой образованных людей был фактически ликвидирован в годы гражданской войны и последующих репрессий. Доля людей, окончивших две или более образовательные ступени, приобрела вид узкого тонкого шпилья, возвышающегося над основной массой населения, умевшей только «читать и писать»²⁵.

Женщины добились значительного продвижения на молочно-товарных и животноводческих фермах, работая там заведующими и бригадирами. Этот сектор сельского хозяйства традиционно считался «женским». То же самое происходило в полеводстве,

специализирующемся на технических культурах (лен, хлопок, сахарная свекла), где бригадирами и звеньевыми традиционно являлись женщины. Самый высокий уровень административной карьеры в аграрном секторе – председатель колхоза и директор совхоза, но женщин среди них было немного.

Подмечали тогдашние экономисты и убыль сельского населения, но обосновывали ее весьма корректно. «Сельскохозяйственное население в возрасте 16-59 лет за 2-ю пятилетку 1933-1937 гг. несколько сократилось. Это объясняется, с одной стороны, высоким процентом рабочего возраста среди населения, перешедшего из села в город, и, с другой стороны, тем, что пополнение численности рабочего возраста 16-летней молодежью было во 2-ю пятилетку относительно невелико, так как период с 1917 до 1921 гг. характерен низкой рождаемостью и высокой смертностью. В связи с ростом валовой продукции и сокращением трудоспособного населения выработка в сельском хозяйстве, приходящаяся на одного трудоспособного, с 1932 до 1937 гг. резко увеличилась²⁶. По данным М.И. Кубанина число лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, за годы двух первых пятилеток уменьшилось на 40 % с лишним.

Естественно, в те годы не было принято писать о таком секторе советской экономики как ГУЛАГ, в котором сформировался свой сельскохозяйственный сегмент. Сибирский лагерь Управления лагерей, трудпоселений и мест заключения УНКВД по Западно-Сибирскому краю формировался в начале 1930-х годов на землях государственного фонда, в большинстве своем неосвоенных территориях Алтайского края и Новосибирской области Российской Федерации. Весна в здешних местах затяжная с частыми заморозками, продолжающимися периодически до середины мая. Среднегодовое количество осадков 390-400 мм с преобладанием августовских и сентябрьских дождей. Продолжительная зима с суровыми морозами. Короткое (60-70 дней) жаркое лето. Почвы,

частью черноземы, остальное – подзолистые и серолесные. Рельеф местности изрезан оврагами с перемежающимся мелколесьем. К началу 1938 г. в лагере действовало 8 совхозов: Антибес – в 5 км от станции Мариинск Омской железной дороги; Суслово – в 8 км от одноименной железнодорожной станции; Орлово-Розово – 28 км от станции Мариинск; Ново-Ивановка – 45 км от той же станции; Беритоль – в 1 км от одноименной станции; Юрга – 25 км от одноименной железно-дорожной станции; Арток – в 8 км от станции Арток; Чистюнька – в 40 км от железнодорожной станции Топчиха. Совхозы располагали парком сельхозмашин и механизмов, включая 82 грузовика и легковых автомобилей, 27 комбайнов, 30 гусеничных тракторов ЧТЗ, 298 колесных тракторов СТЗ и т.д. Производственный профиль этих советских хозяйств был животноводческий с доминированием свиноводства, они же своими силами заготавливали и производили корма для собственного поголовья.

Посевные площади в гектарах: 1930 г – 1792; 1931 г – 8519; 1932 – 19442; 1933 – 40086; 1934 г – 37708; 1935 г – 44385; 1936 г. – 58887; 1937 г. – 54442.

Валовые сборы сельскохозяйственной продукции с этих площадей в тоннах

Виды продукции	Годы			
	1934	1935	1936	1937
Зерно	20846	18232	51381	55651
Овощи	8540	12224	9275	8370
Говядина	52,2	187,7	330,9	570
Свинина	971	3843	4696	5401
Молоко	2.743	3707	4778	5320

Урожайность сельскохозяйственных культур в центнерах с гектара

Виды культур	Годы					
	1932	1933	1934	1935	1936	
Пшеница	10	12	13	6	10	
Овес	10,4	13	8,5	5	13,4	
Рожь	-	-	-	9	9,4	
Картофель	96	120	58,4	56	91	

(ГАРФ, ф. 9414, оп. 2, д. 118, л. 206, 206об., 207об., 208об., 209).

Таким образом, хозяйства Сиблага являлись одним из крупным поставщиков продукции земледелия и животноводства для снабжения лагерного населения архипелага ГУЛАГ. У специалистов и тех, кто побывал за колючей проволокой сталинских лагерей, эти цифры вызовут в памяти печальную присказку тех лет: «без туфты (приписок) и аммонала не построили б канала». И они будут правы. Оставим достоверность данных на совести начальника сельхозотдела ГУЛАГа НКВД СССР Фрумеса.

Отвлечемся от производственных показателей Сиблага и обратимся к бытовой стороне жизни заключенных этого лагеря. Тем более, что попавший в наши руки в ходе архивных поисков документ позволяет сделать это. 8 февраля 1937 г. в планово-финансовый отдел лагерного главка НКВД СССР поступил конъюнктурный обзор состояния Сиблага за 1936 г., подписанный начальником лагеря старшим лейтенантом госбезопасности А.П. Шишмаревым. Цитируемый документ привлек наше внимание по целому ряду причин. Во-первых, на страницах обзора затрагивается весь комплекс болезненных для ГУЛАГа проблем, тем самым мы как бы получаем срез повседневной жизни лагерного населения в целом, а не только отдельно взятого сельскохозяйственного лагеря. Во-вторых, личность начальника лагеря, подписавшего обзор и соответственно внимательно ознакомившегося с его содержанием. Судя по материалам справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в

СССР. 1923-1960», подготовленного к печати научно-информационным и просветительским центром «Мемориал», Шишмарев был опытным гулаговцем и не понаслышке знал особенности подневольного труда заключенных. До назначения на должность начальника Сиблага в октябре 1936 года он успел поруководить в первой половине 1930-х годов лагерями на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Его служебная карьера оборвалась арестом в 1938 году. В-третьих, Шишмарев сменил прежнего начальника, а памятью народную мудрость «новая метла по-новому метет», можно обоснованно предположить, что он многие безобразия в лагере излагал объективно, поскольку не нес за них никакой ответственности, перекладывая последнюю на своего предшественника. Документ весьма объемный, поэтому ограничимся отдельными выдержками из него, где говорится о быте осужденных.

«Средняя жилая площадь на одного заключенного по данным Санотдела на 1 января 1937 г. составляет в отдельных подразделениях от 1,25 кв.м до 4 кв.м. В связи с прибытием в декабре большого пополнения рабочей силы (до 12000 человек), наблюдается исключительная скученность заключенных...

Контингент размещен в бараках – 76,3 %, палатках – 9,3 % и прочих помещениях, в большинстве приспособленные крестьянские строения – 8,4 %. Палатки и землянки, занимающие в отдельных подразделениях большой удельный вес (от 13 до 40 % по палаткам и от 11 до 33 % по землянкам), оборудованы плохо: протекают, большая сырость, темнота, холод... Основным оборудованием жилых помещений являются сплошные нары в значительной части двухъярусные, вагонок мало, а топчаны-кровати почти отсутствуют... Мелким хозяйственным (столы, скамейки, табуретки, умывальники и пр.) жилпомещения обеспечены в чрезвычайно незначительной степени.

Санитарное состояние подразделений не совсем удовлетворительно: редкое мытье полов, грязь в помещениях, загрязненность территории мусором и отбросами, слабая борьба с клопами и грызунами. Отопление жилых помещений в зимний период производится неудовлетворительно из-за перебоев с топливом. Обеспеченность сменным бельем и постельными принадлежностями недостаточна. Все эти неприятности способствуют большой вшивости, доходящей в отдельных подразделениях... до 70 %. Качество стирки белья неудовлетворительно, что объясняется изношенностью белья, отсутствием мыла и необходимостью оборудования прачечной (сушилки, котлы) и небрежным отношением к стирке белья. Все вместе взятое при условии размещения лагерей среди гражданского населения и постоянным прибытием в лагерь сильно завшивленного контингента и слабой карантинизации постоянно ставят лагерь под угрозу вспышки сыпного тифа...

Питание вследствие однообразия пищи и зачастую недоброкачественности продуктов (засоренные крупы, тощее мясо, недоброкачественная рыба, мерзлые овощи, недостаток специй) при отдельных перебоях в жирах и сахаре, недостаточно. Кухни-столовые и обработка пищи не везде отвечает санитарным правилам...

Наряженное положение со снабжением мукой имело место в период уборочных работ, т.к. зерно своего урожая имело повышенную влажность и плохо поддавалось размолу. По крупе обеспеченность лагерей систематически падает, т.к. несмотря на наличие нарядов таковые не реализуются из-за недостатка средств. Возможность удовлетворения потребности за счет переработки зерна своего урожая не оправдалась вследствие нерентабельности из-за недоброкачественного и пониженного выхода крупы. Недостающая крупа на 50 % заменялась овощами.

По мясу напряженное положение было в апреле-мае, в то время как в последние месяцы излишние закупки привели к образованию больших

запасов, что вынудило расширить необязательное довольствие, продажу через буфеты и даже продажу на сторону... Частично закупался сбой для замены недостающей рыбы. Недорасход рыбы по лагерю в течение года составляет 770 тонн при общей потребности 2450 тонн, причинами чего являются недогруз рыбы Прорывлагом и Союзрыбосбытом и списанием недоброкачественной рыбы (109 тонн). Недостающая рыба заменялась чечевицей и горохом, сбоями и овощами. Необходимо отметить отсутствие в ассортименте рыбы, завозимой в край, дешевых сортов (средняя стоимость рыбы 1 руб. 80 коп. против намеченной по плану 1 руб. 38 коп.), что приводит к превышению стоимости питания человека-дня. Ввиду запрещения замены рыбы крупой, она возможна только овощами, что вызывает снижение вкусовых качеств питания, создавая однообразие. Расход специй в основном производился за счет запасов 1935 г., начиная с октября из-за слабых закупок в большинстве подразделений специи (томат-пюре, перец, лавровый лист) отсутствовали.

Обеспеченность вещевым довольствием на 1 января 1937 г. резко снизилась из-за значительного увеличения контингента, составив по главным предметам (в процентах к потребности): брюки и гимнастерки летние – 35-46 %, телогрейки и полупальто – 66-68 %, шаровары ватные – 78 %, валенки – 57 %, кожаная обувь – 42 %, рукавицы-варежки – 30-55 %, постельные принадлежности (матрасы, наволочки, простыни, одеяла) – от 22 до 56 %, белье мужское и женское – 63-66 %. В сумме обеспеченность составляет в среднем 53 %. (10900 тыс. рублей при норме 20400 тыс. рублей), причем эта сумма принята без учета изношенности, что при фактическом состоянии обмундирования, должна быть снижена почти наполовину. Недостаток одежды и обуви сказался на росте простоев по раздетости и разутости... всего за год больше миллиона рублей убытку.

Недостаток сезонного обмундирования влечет за собой преждевременный износ несезонного (летом носили ватное обмундирование, зимой – летнее). Оказало влияние частое этапирование, при котором убывающие этапы обеспечены почти полностью новым обмундированием, в то время как прибывающий контингент вовсе полураздет, или прибывает в изношенном обмундировании...

Само распределение вещевого довольствия проходит нехозяйственно, формально, что приводит к тому, что хозобслуга и аппарат в большинстве обеспечены вещдовольствием, получает его и худший элемент лагеря, а раздетые и разутые сплошь и рядом приходится на честную рабочую силу лагерников, не сумевших настойчиво добиваться обмундирования. Ударники тоже не все обеспечены.

Учет собственного вещдовольствия поставлен недостаточно, амортизационные выплачивают несвоевременно, что приводит к тому, что лагерники прячут свои вещи, требуя казенного обмундирования, повышая тем самым недообеспеченность. Особо следует отметить недообеспеченность индивидуальной посудой (кружки, миски), в то время как наличие большого количества инвалидов и свободной рабочей силы при достаточных запасах глины в каждом подразделении, давало возможность организовать примитивное гончарное производство, что не было сделано...

Начиная с июля 1936 г. обороты ларьков и буфетов систематически снижаются, достигнув только 540 тыс. рублей или почти вдвое меньше, чем в апреле (месяце наибольшего разворота торговли). Ларьковая торговля слабо представлена ассортиментом, кроме махорки, селедки и парфюмерии, почти ничего не имеется. Основной причиной следует считать отсутствие собственных оборотных средств, т.к. вся выручка поступает в общий котел подразделений, расходуясь на общие нужды, а

на децзаготовки и закупки средства отпускаются в недостаточной степени, время от времени...»

Теперь о человеческой составляющей Сиблага, о тех, кто жил и работал в вышеописанных условиях. По учетным документам лагеря на начало 1936 г. в нем состояло 48.669 заключенных, в том числе – 4.542 женщины. В течение года в Сиблаг прибыло свыше 32 тыс. заключенных, убыло – 41518 человек. Последняя цифра включает 20397 этапированных в другие лагеря, 18919 освобожденных из заключения, 901 бежавшего из лагеря, 782 умерших от болезней и лишений. В канун нового 1937 г. в лагере находилось 39160 осужденных, включая 6760 женщин²⁷.

Довершая социально-экономический облик Сиблага середины 1930-х годов, обратимся к воспоминаниям очевидцев, прошедших это узилище. «В Мариинске наш состав загнали на запасной путь и отцепили несколько вагонов. В полдень, когда нещадно пекло солнце, к нашему вагону подъехали два грузовика с высокими решетками на бортах. Вызывая по формулярам, нас посадили в машины.

Вскоре выехали на накатанную дорогу. Много людей работало в поле. Конные жнейки полозили одна за другой. Где-то в лощине натужно гудел трактор... И снова необъятные поля. Наконец, появились плантации турнепса и картофеля.

- Слава Тебе, Господи! В сельхозлагерь попали, – сказал сидящий рядом со мной рыжебородый мужчина.

Подъехал и к лагерю. Плотный забор высотой метра четыре из толстых плах, заостренных кверху. Под газовыми фонарями лежали пустые кадки, заменявшие сторожевым собакам будки. У ворот разгрузились.

«Городок», так называли Новоивановский лагпункт, - четыре длинных тесовых барака, две такой же длины землянки и кухня. На крыше одной землянки сидели полуголые урки и резались в карты.

Несколько человек стояли у ворот и с воровской жадностью прощупывали нас глазами». Таким запомнился первый лагерный день на излете лета 1937 г. Николаю Антонову. Несколько слов о мемуаристе. Родился в 1911 г. в семье крестьянина села Черный Верх Арсеньевского района Тульской области. Спасаясь от раскулачивания, Антоновы перебрались в Москву. Здесь Николай устроился на работу, обзавелся семьей, поступил на рабфак при плановом институте имени Г.М.

Кржижановского. Весной 1937 г. последовал арест по доносу, после непродолжительного следствия огласили приговор – 8 лет лагерей за высказывание террористических мыслей против товарища Сталина. Однако время снова вернуться к воспоминаниям о Сиблаге. «Нас повели на вязку ячменя... Пока мы работали, в наш барак поступило пополнение. Стало тесно, шумно. А за три, четыре дня все бараки и одна землянка были заполнены до отказа, в основном, заключенными из Мариинского распределительного пункта. Во второй землянке находились бытовики.

Погода стояла хорошая. Начальство торопилось убрать поле до дождей. На вязку было поставлено человек триста. В обед не хватало мисок. Ложек вообще не было. Баланду пили через край. Именно пили, ибо она была только мутной»²⁸.

Среднеазиатский лагерь НКВД СССР (Сазлаг) возник в начале 1930-х годов на землях Кермининского, Пахта-Карского, Сыр-Дарьинского, Янси-Юльского районов Узбекистана. Производственный потенциал лагеря составили 3 хлопководческих совхоза: «Нарпай», «Зеравшан» и «Малёк», а также совхоз овощеводческого профиля. Кроме того, имелись хлопкоочистительный завод по переработке сырца в волокно и маслобойный завод.

Совхоз «Нарпай» расположился в 7 км от станции Кермине Ашхабадской железной дороги. Был организован трестом «Совхозхлопок» в 1931 г. на пустующих землях в хвосте Зеравшанской

водной системы, а потому плохо снабжаемый водой. Особенности местного климата составляли сильные ветры-суховеи. После двух лет производственной деятельности совхоз передали Сазлагу. К началу 1938 г. общая земельная площадь хозяйства превысила 6 тыс. га, в том числе хлопковые плантации достигли 2770 га, 211 га занимали сады и виноградники.

По вышеописанной схеме создавался совхоз «Зеравшан» в 25 км от станции Зиадин Ашхабадской железной дороги на засоленных, плохо обеспеченных водой почвах, покинутых местным населением.

Особенностью климата района расположения совхоза являлись ранние заморозки. Общая земельная площадь хозяйства превысила 3500 га, в том числе хлопком засевалось 1000 га, сады и виноградники располагались на 44 га. Совхоз «Малек» появился на базе трудпоселка в 1932 г. в 5 км от станции Сыр-Дарья Ташкентской железной дороги. Земли совхоза представляли собой участки, заброшенные дехканами еще в 1916 г., вследствие засоления. Вода на земли общей площадью в 5400 га поступала из Сыр-Дарьинской водной системы.

Овощесовхоз появился в 1931 г. на целинных и залежных землях, хорошо обеспеченных водой, в 18 км от Ташкента. Посевные площади составили более 1000 га, включая 600 га под овощами и 29 га под садами и виноградниками.

Средняя урожайность хлопка по совхозам Сазлага

1933 – 6,24 ц с га; 1934 – 5,15 ц; 1935 – 11,6 ц; 1936 – 16,9 ц; 1937 – 17,7 ц.

Валовые сборы хлопка по совхозам Сазлага

1933 – 2778 т; 1934 – 3270 т; 1935 – 5931 т; 1936 – 8309 т; 1937 – 8687 т.

Помимо этого хозяйства лагеря располагали стадом крупного рогатого скота молочно-мясной породы местной селекции,

приспособленной к климатическим условиям Средней Азии. На 1 января 1938 г. поголовье скота составило 768 голов, в том числе 324 коровы²⁹.

Возможно, читатель упрекнет нас в увлечении статистическими выкладками сельскохозяйственного отдела и других подразделений ГУЛАГа НКВД СССР, которые «замыливают глаз» детализацией. Признаемся, что сделали мы это преднамеренно, дабы отдать дань памяти тысячам заключенным, которые своим трудом, а то и ценой своей жизни обустроивали необжитые медвежьи углы Советского государства, куда, как гласит народная поговорка, «Макар телят не гонял».

Используя данные зарубежной статистики, советские экономисты анализировали данные бюджетных обследований европейских и американских рабочих. Правда, обходя молчанием их сопоставление с аналогичными советскими показателями. В начале 1939 г. департамент земледелия США опубликовал данные о питании американских рабочих и служащих. Они основывались на записях питания, которые велись с декабря 1934 г. по февраль 1937 г. с периодичностью одна неделя в каждом сезоне года. Всего было проведено 4357 записей в основных районах страны, из них 408 в негритянских семьях. В обследование не попали: а) семьи, получавшие пособия по безработице; б) семьи, в которых имелись работающие неполное время (частично безработные) и наконец, в) семьи с годовым доходом ниже 500 долларов. Данные группировались по размерам расходов на питание.

Годовой заработок рабочих и служащих США составил в 1936 г. 1334 доллара, т.е. 26 долларов в неделю. В числе 30,7 млн. рабочих и служащих по сведениям налоговой статистики имелось около 4.2 млн. человек менеджеров и административно-технического персонала, чей годовой доход превышал 5 тыс. долларов. Вычитая их фонд заработной платы в 13,7 млрд. долларов из общего фонда, получалось, что средняя годовая заработная плата 26,5 млн. американских рабочих и служащих

составляла 1038 долларов или 20 долларов в неделю. Соответственно душевое потребление в таких семьях достигало более 32 кг мяса и сала, 20,5 кг сахара, 137,8 кг молока. В последнем случае делалась лукавая поправка: в количество потребляемого молока включалось масло с коэффициентом перевода в молоко 1:22³⁰.

Советским гражданам приходилось только мечтать о подобном меню своего стола. В серии «Документы советской истории» вышел очередной документальный сборник «Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945», подготовлены А.Я. Лившиным и И.Б. Орловом. При составлении сборника использовались документы ведущих национальных архивов, и, в первую очередь, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики. Составители отдавали предпочтение источникам речевой коммуникации – заявления, прошения, жалобы, проекты, доносы, присланные гражданами в органы государственной власти и на имя политических руководителей СССР, включая И.В. Сталина. Письма во власть – один из массовых видов источников советской истории, в больших количествах отложившийся в российских архивах. В сборнике приводятся не только тексты писем, но в ряде случаев – наиболее выразительные сопроводительные документы, показывающие особенности движения писем по административным инстанциям и характер принимавшимся по ним решений, если таковые были. Вместе с тем следует не забывать то обстоятельство, что сколь бы обильную совокупность источников в своем распоряжении не имел историк, его знание останется в чем-то ограниченным. Особенно это характерно при работе с источниками по социальной истории, поскольку в этой сфере сложно вычленишь и категоризировать величины и можно анализировать лишь основные тенденции социокультурного облика СССР

в рассматриваемый период. С сожалением приходится констатировать, что из поля зрения составителей сборника выпала советская деревня. Неужели колхозники, работники и служащие совхозов, МТС, крестьяне-единоличники не обращались в советские властные структуры? Тем не менее такая жизненно важная сфера бытия советского человека как снабжение и распределение продовольствия, товаров широкого потребления довольно всесторонне представлена на страницах документального сборника.

Из письма саратовца Генина главе союзного правительства Молотову, 18 января 1940 г., : «Как не странно, Вячеслав Михайлович, но за последние годы, а в особенности за последние месяцы 1939 г., материальное положение трудящихся нашей страны все более и более ухудшается. Вы посмотрите только, как люди живут в городах: 1. В магазинах положительно нечего купить. Такие продукты, как крупа, чай, сахар, рыба, консервы, картофель, капуста, томат, сыр и даже хозяйственное мыло, совершенно исчезли в продаже и появляются теперь как музейная редкость, за которыми устанавливаются тысячные очереди. Также все реже и реже стали появляться конфеты, колбасы и другие продукты.

Что за причины такому положению? Никак нельзя поверить, чтобы в нашей стране нет этих продуктов. Настоящей войны у нас еще нет, а положение до того ухудшилось, что хоть кричи «караул». Нет ни продуктов питания, ни промтоваров. Зарплата у большинства настолько мизерна, что месячную зарплату хватает на 8-10-15 дней.

2. Для примера и как факты я опишу Вам свою жизнь, жизнь рядового среднего служащего...

Моя семья состоит из 5 человек (работник я один). Получаю я зарплату 450 рублей в месяц. Из этой зарплаты на руки я получаю 385 рублей, т.к. с меня ежемесячно удерживается:

1) Подоходный налог и культжилсбор	30 - 32 рублей
2) Заем	45 рублей

75 рублей

Из оставшихся на руках я ежемесячно расходую на те нужды, которые жизненно необходимы, чтобы поддержать свою жизнь и кое-какое здоровье и семьи, т.е. гораздо более чем у меня имеется возможность (385 рублей).

Иначе говоря, мой прожиточный минимум составляет 600 рублей, а получаемая на руки зарплата – 385 рублей. Этот разрыв до 1940 г. я покрывал тем, что продавал все, что только можно было продать из вещей, одежды, обстановки, приобретенные в период с 1929-1938 годов. А также покрывал этот разрыв всевозможной вечерней работой, сверхурочными и тому подобное для того, чтобы свести концы с концами и дать возможность существовать семье и себе, в ущерб слабого здоровья.

... Кроме продуктов питания необходимо покупать одежду, обувь (кстати, чего нет возможности купить за отсутствием этого в продаже). Но если я и позволил себе эту «роскошь» купить (что-либо) семье или себе (из одежды, обуви), то, значит, я должен это сделать за счет ухудшения питания семьи и жить целый месяц впроголодь. Иначе говоря, иногда не обедать (правда, за последние месяцы и без этого ежемесячно у нас бывают дни, когда мы обеда не готовим из-за недостатка средств). Одежда, обувь подошла к концу. Семья начинает ходить в рваной одежде, обуви. А купить негде. Как быть? Но мы ведь и культурные люди (я с высшим образованием) и у меня, у семьи естественная потребность выписать газету, журнал, сходить в кино, театр. Но я вынужден во всем этом и себе, и жене, и детям отказывать. Вот уже около года мы об этом только мечтаем...».³¹

Из письма ученика 9 класса Бориса Морозова из Белоруссии наркомму внешней торговли СССР А.И. Микояну, февраль 1940 г.:

«собрали мы 6 миллиардов пудов зерна. Посчитаешь – по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной тоже не было, а хлеба уже 2 месяца как нет. Или это безобразие творится только по Гомельской области, или по всей стране? А мы еще хотим построить коммунистическое общество, главным принципом которого будет: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям»... Мы еще хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы – капиталистическая и социалистическая. Нет, при таких порядках и при таких недостатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!³²»

Понятно, что девятикласснику не положено было знать о ситуации с продовольственной безопасностью в стране, но его письмо из секретариата Микояна переслали для принятия мер в Главное экономическое управление НКВД СССР. Именно этот главк снабжал информацией о торговле хлебом и товарами первой необходимости на всей территории страны директивные органы СССР. Судя по докладным запискам нквэдэшников положение было критическим, хотя это и скрывали под нейтральными словами – перебои, недостатки и т.д.

Просматривая подшивки печатного органа ЦК ВКП(б) журнала «Партийное строительство» за 1930-е годы, мы обнаружили любопытный документ – письмо председателя животноводческого союза на Волыни в ЦК КП(б) Украины: «На нас возложена очень большая задача по посеву, по хлебозаготовкам, по заготовке сена, скоту и прочее. Дело это очень важное, и мы это выполняем, но слабовато, и ГПУ притягивает нас к ответственности. Укрплоспилка требует, чтобы мы выполнили задание по картофелю, капусте и овощам на 2000 тонн, чтобы отгрузить. Мы же отгружаем на расстоянии 26 км, а тут 60 км от железной дороги, и мы немножко задержались. Дело передали в рабоче-крестьянскую

инспекцию. Потом – надо отправить 150 свиноматок Животноводсоюзу в течение 24 часов. Мы этого сделать не можем, и все передали в ГПУ... Таких примеров можно привести десятки. К этому, надо добавить, аппарата никакого. Прошли чистки соваппарата, и районная рабоче-крестьянская инспекция сняла весь аппарат животноводческого союза... Район в 60 км от железной дороги, никто туда не едет. Результаты такие, что за октябрь мясозаготовки и заготовки кожсырья сорвались, никто не знает этого дела... Работать в таких условиях нельзя, под суд идти – я не знаю, за что, не хочу, но если это нужно, то пусть это будет скорее, лишь бы освободиться от этого дела».³³ Прочитавший это письмо ответственный работник ЦК компартии Украины справедливо заметил: «... мы часто становимся на путь административного воздействия, нажимаем кнопки – выговоры, угрозы и прочие кары по отношению к районщику».

Прошло 10 лет. Советские средства массовой информации тиражировали совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов» от 1 августа 1940 г. В этом документе административно-технологических указаний гораздо больше, чем политических или экономических. Пространным образом расписано, как убирать зерновые и масличные культуры, картофель и овощи, лен и коноплю, сахарную свеклу и хлопок, многолетние травы. Есть даже самостоятельный раздел «По табакам и махорке». Приведем несколько выдержек из этого директивного документа.

«...2. Не допускать перестоя хлебов на корню и их осыпания, для чего организовать тщательное наблюдение в бригадах за созреванием отдельных участков хлебов с тем, чтобы, не ожидая созревания всего массива, обеспечить выборочную уборку комбайнами и простыми машинами на участках с созревшими хлебами.

3. К уборке комбайнами колосовых хлебов приступить в начале полной спелости, а простыми машинами – в период восковой спелости зерна, обеспечив работу комбайнов на уборке и работу простейших машин на сменных лошадях не менее 16 часов в сутки.

4. Организовать вслед за косовицей немедленную вязку снопов и складывание их в копны, бабки и крестцы. Обеспечить уборку соломы и скирдование ее немедленно вслед за уборкой хлебов комбайнами.

Установить, что скирдование хлеба, убранного простыми машинами, должно быть закончено не позднее, чем за 10 дней после окончания косовицы»³⁴.

Постановление распространялось как руководство к действию для сотрудников союзных и республиканских наркоматов земледелия, заготовок, совхозов, пищевой, мясо-молочной промышленности, работников ЦК компартии союзных республик, правительств этих республик, краевых, областных и районных комитетов партии и комсомола, исполкомов Советов депутатов трудящихся, директоров совхозов и МТС, председателей колхозов. Если перевести этот перечень ответственных за уборку и заготовки в абсолютные цифры, получаются весьма внушительные числа. Всесоюзная перепись населения 1939 г. приводит общие сведения о численности особой бюрократической прослойки в деревне – руководителей партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений. Только в Российской Федерации, самой крупной республике в составе СССР, их насчитывалось по сельской местности 648,4 тыс. человек, из коих 35,2 тыс. – руководители первичных партийных, комсомольских и других общественных организаций. К этому нужно добавить 1 млн. 780 тыс. человек руководящих работников колхозно-совхозного производства и сельских советов, бухгалтеров, счетоводов, планово-контрольный и делопроизводственный персонал, кладовщиков,

весовщиков и пр. В то же время по всей сельской местности РСФСР перепись выявила чуть более 700 тыс. представителей интеллигенции (учителя, врачи, работники дошкольных учреждений, библиотекари и т.д.)³⁵

В целом по Советскому Союзу к 1939 г. статистика насчитала 9,5 млн. интеллигентов. Вместе с семьями они составляли 14 % населения страны, при этом 80-90 % этой социальной группы имели крестьянское или рабочее происхождение. Здесь, на наш взгляд, следует сделать небольшое теоретическое отступление. Определениям «интеллигенции» - нет числа, и отдельные из них разительно отличаются по вкладываемому в это понятие смыслу. Общего согласия в отношении адекватного определения нет, как нет и единодушия в суждениях относительно роли этой социальной группы в отечественной истории. На самом деле различные определения интеллигенции зачастую использовались для прагматических целей обслуживания политических или номенклатурных интересов, чем для выяснения сущности вопроса. В советский период отечественной истории под «интеллигенцией» подразумевались просто люди с дипломом о высшем образовании. В этом случае в этот общественный слой включались и те, кто совсем не является «интеллигентами» или «интеллигентными», т.е. обладающие качеством, предполагающим не просто образованность. Стремление занять административную должность было связано с материальной заинтересованностью. Оплата труда колхозного руководства было много выше рядовых членов сельхозартелей. Советская периодическая печать тех лет содержит немало критических материалов по этому поводу. Обратимся к фактам. Днепропетровская область Украины. На ее территории в 1940 г. располагалось 1741 коллективное хозяйство. В колхозе «Червоний партизан» Петропавловского района из 614 трудоспособных членов артели 87 числились освобожденными

работниками. 35 трудодней в месяц получал местный гармонист. По действующему положению, членам ревизионной комиссии колхоза могло оплачиваться только время, потраченное на ревизии. На деле председатель комиссии ежемесячно получал 30 трудодней, а дни, затраченные на ревизии, оплачивались из расчета 70 трудодней в месяц. В колхозе «Пролетарий» по документам числилась овцеферма, хотя все ее поголовье состояло из одного барана. В колхозе имени К.Е. Ворошилова молочная ферма на протяжении трех лет имела в своем составе только 5 коров. Оба колхоза находились в Петриковском районе области³⁶. Выполнение плана производства определялось по годовым отчетам колхозов. Премии начислялись при условии обеспечения колхозов собственными семенами, устойчивого роста поголовья скота, выполнении плана сдачи натуроплаты за работу МТС по фактически врученным счетам. Достаточно отметить, что советское государство через этот канал ежегодно получало только одного зерна около 1 миллиарда пудов. Государство заготавливало сельхозпродукты и путем натуральных поставок с индивидуальных хозяйств колхозников и единоличников. Действовала и такая форма заготовок как контрактация – система заранее заключаемых договоров между заготовительными органами и производителями продуктов сельского хозяйства. Контрактационная система распространялась главным образом на технические культуры (хлопок, лен, коноплю и др.). Одним из видов заготовок являлись и децентрализованные закупки продукции, которые осуществлялись по выполнению плана обязательных поставок. Всего таким образом насчитывалось пять форм заготовок для пополнения фонда продовольственных и сырьевых ресурсов советской страны³⁷.

Руководствуясь государственными и личными интересами, работники аппарата, начиная с районного звена, и колхозное руководство

проявляли солидарную заинтересованность в реализации плановых заданий.

В первом номере журнала «Проблемы экономики» за 1941 г. появилась очередная статья М.И. Кубанина «Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США». «Необходимо знать, - подчеркивал экономист-аграрник, - существующие уровни производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран, а также причины, вызывающие разницу в уровнях, чтобы, используя преимущества советской системы, в кратчайший срок не только устранить эту разницу, но и перегнать нами более развитые в экономическом отношении страны по производительности труда». Редакция журнала снабдила статью обращением к читателям: «Ввиду недостаточной разработанности методологии исчисления уровня производительности труда в сельском хозяйстве, редакция приглашает высказаться по затронутым в статье вопросам». Распространенная в научном сообществе практика приглашения к участию в дискуссии. Последствия публикации оказались ошеломляющими и для автора и для редколлегии академического журнала. Печатный орган ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» поместил разгромную рецензию под выразительным заголовком «О клеветнической вылазке М. Кубанина»³⁸.

Отзыв напоминал выступление государственного обвинителя на судебном процессе. Судите сами: «М. Кубанин слишком много, подозрительно много говорит о производительности труда занятого работника в капиталистических странах. И не только говорит, а поет, воспекает капиталистическую производительность труда, считая ее идеалом для СССР. Он, очевидно, не понимает коренной разницы между капиталистической и социалистической производительностью труда. Он очевидно не понимает, что при социалистической системе хозяйства рост

производительности труда занятого работника означает прежде всего рост и улучшение технических средств производства, облегчающие труд работника и поднимающие его производительность – при средней норме интенсивности труда, не отражающейся на здоровье работника. Он, очевидно, не понимает, что при капиталистической системе хозяйства, наоборот, рост производительности труда занятого работника означает, прежде всего, дьявольский рост интенсивности труда, одуряющий работника и выматывающий у него душу. Собственно говоря, пресловутый рост производительности труда при капитализме строится в значительной степени именно на базе убийственного роста интенсивности труда работника. М. Кубанин ошибается, если он думает, что советские люди согласны соревноваться с капиталистами на этом бесславном поприще убийственного перенапряжения сил работника. Мы охотно уступаем здесь «пальму первенства» буржуазии, ее экономистам и, если угодно, доктору экономических наук М. Кубанину³⁹. Особо досталось подсчетам экономиста о том, что производительность труда во всем советском хозяйстве ниже, чем в США в 5 раз, а в общественном хозяйстве колхозов и того более – в 7 раз. Главный просчет Кубанина заключается в неправильной расстановке акцентов. Критерием должен быть размер производства, объем производства на душу населения, а не производительность труда работника. А какими хлесткими эпитетами и определениями награждается автор: ненаучная, самодельная, кустарно-провинциальная установка; пускает в ход излюбленный прием всех эсеровских, меньшевистских и т.п. литераторов: путем «средней» цифры сваливает в одну кучу районы с совершенно различными условиями; с большим апломбом возвещает и пр. Рецензию перепечатали все ведущие экономические журналы страны.

Исследователь Рубцов Ю.В. в монографии «Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса», используя

методологические постулаты теории элит применительно к биографии своего героя, анализирует типологию сталинской номенклатуры в контексте отечественной истории 1920-1950-х гг. Лев Захарович Мехлис (1889-1953) на заре своего политического ученичества состоял помощником генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина, позднее занимал крупные партийно-государственные и военные посты – редактор газеты «Правда», начальник Главного политического управления Красной Армии, заместитель наркома обороны СССР, министр государственного контроля СССР. Автор выделяет в советской политической элите тех лет особую страту – «теневую» субэлиту. Делает он это, исходя из способов рекрутирования этой страты и особенностей ее функционирования. Реальная власть лиц, входящих в эту страту, определялась не столько постами, которые они занимали, сколько неформальной близостью к Сталину, доверительными отношениями с ним. Нас привлек период активной публицистической и научно-теоретической деятельности Мехлиса во главе редколлегии газеты «Правда». Тем более что Лев Захарович был коллегой Кубанина в сфере научных интересов. Ученая степень доктора экономических наук была присуждена Мехлису в ноябре 1935 гг. в стенах Коммунистической академии без защиты диссертации. Монографических работ экономист Мехлис не написал, но в 1930-е гг. подготовил до двух десятков статей. Наилучшее представление о научном потенциале Льва Захаровича дают его статьи, посвященные советской экономике, в которых, учитывая базовое образование, полученное в Институте красной профессуры, Мехлис должен был разбираться. Рубцов приводит краткий обзор этих статей в своей монографии и делает вывод: « В качестве главного показателя уровня развития социализма Л.З. Мехлис точь-в-точь за И.В. Сталиным рассматривал не уровень производительности труда, не благосостояние народа, а степень административного обобществления производства. Вопрос «кто кого»

решался, таким образом, путем перевода его из сферы экономической и социальной в сферу административную»⁴⁰.

«Идеологическая ошибка» обошлась Михаилу Ильичу Кубанину очень дорого, она стоила ему жизни. В начале его уволили с работы из Института экономики АН СССР. Как помечено в архивно-следственном деле «полный застой научной мысли». 5 мая 1941 г. последовал арест. Дело вела следственная часть наркомата госбезопасности СССР. Об интенсивности работы следователей наглядно сообщает следующая таблица вызовов и возвращений с допросов.

Дата и время вызова		Дата и время возвращения		Кто допрашивал
06.05	01.55	06.05	03.45	Свердлов
06.05	15.25	06.05	17.05	-«-
07.05	14.00	07.05	17.35	
07.05	20.30	08.05	02.55	Малов
08.05	15.30	08.05	17.55	
08.05	21.10	09.05	05.45	
09.05	16.15	09.05	17.50	Свердлов
10.05	00.00	10.05	03.35	Скляр
10.05	15.30	10.05	18.05	Смирнов
10.05	20.40	11.05	05.20	Малов
11.05				выходной
12.05	13.40	13.05	18.15	Глухов
12.05	21.50	12.05	05.20	-«-
13.05	12.55	13.05	17.20	-«-
14.05	10.50	14.05	13.55	-«-
14.05	16.00	14.05	17.25	-«-

14.05	22.00	15.05	05.15	-«-
15.05	12.15	15.05	18.50	Свердлов
16.05	02.30	16.05	06.40	-«-
16.05	02.50	16.05	14.10	-»-
17.05	14.15	17.05	16.15	Глухов
18.05				Выходной
19.05	00.10	19.05	02.00	Глухов
21.05	01.00	21.05	04.45	-«-
22.05	03.00	22.05	04.15	-«-
23.05	00.35	23.05	03.50	-«-
24.05	01.10	24.05	04.45	-«-
24.05	22.50	25.05	04.45	-«-
25.05				Выходной
27.05	01.15	27.05	03.55	Глухов
27.05	20.30	28.05	02.55	Бениксон
28.05	12.35	28.05	17.35	-«-
				20 дней выходные
17.06	22.25	18.06	02.30	Сковородкин
19.06	14.00	19.06	16.10	-«-
20.06	13.05	20.06	15.35	Малов
21.06	11.35	21.06	16.45	Сковородкин
22.06	23.20	23.06	01.40	-«-
27.06	21.30	28.06	01.40	-«-
27.06	19.35	27.06	16.30	-«-

Последние не прекратились и с началом Великой Отечественной войны, эвакуацией наркомата в Саратов. В сентябре 1941 г. следствие закончилось, и состоялся суд без участия сторон в закрытом судебном

заседании. Поскольку шла война, дело рассматривал военный трибунал войск НКВД Саратовской области 5 сентября в составе: председатель Жеенов, члены Паниевич, Вилков, секретарь Коблоев. Приговор № 888 гласил: «Подсудимый Кубанин М.И., будучи враждебно настроен к ВКП(б) и Советской власти в течение ряда лет среди своего окружения проводил контрреволюционную агитацию, направленную против проводимых мероприятий ВКП(б) и советского правительства по ряду вопросов.

Кроме этого Кубанин состоял членом контрреволюционной правотроцкистской организации, существовавшей при АН СССР и проводил вредительскую деятельность в области сельского хозяйства. Написал ряд произведений контрреволюционного содержания, нанося тем самым вред политике Советской власти по аграрному вопросу. Являясь троцкистом, имел связь с врагами народа из правотроцкистского центра.

Считая преступления Кубанина по статьям 58-7, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР доказанным и руководствуясь ст. 319-320 УПК постановил: Кубанина М.И. ... по совокупности преступлений подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества.

Приговор может быть обжалован в Военной Коллегии Верховного Суда СССР ... в течение 72 часов с момента вручения копии приговора осужденному». Михаил Ильич признал себя виновным лишь в антисоветских разговорах, «в остальной части предъявленного обвинения виновным себя не считаю». Трибунал проигнорировал просьбу подсудимого, прозвучавшую в последнем слове: «Я действительно совершил государственное преступление и Вы, граждане судьи решаете мою судьбу. Скажите в своем приговоре, что я пропавший или нет, но я считаю, что я еще не пропавший. 4 месяца моего тюремного заключения –

они меня перевоспитали, я все свои ошибки осознал. За все время работы я государству дал очень много и еще дам много полезного. Прошу Вас сохранить мне жизнь. Дать мне возможность вернуться к практической моей работе. За свои прошлые действия мне стыдно не только перед партией и моей страной, но мне стыдно даже перед моей семьей, матерью. Я себя считаю еще не законченным врагом страны, я еще своими знаниями много дам стране полезного, и поэтому еще раз прошу Суд сохранить мне жизнь». Осталось томительное ожидание рассмотрения кассационной жалобы, нам кажется, что Михаил Ильич понимал, что дни его сочтены. 18 сентября Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе: председатель диввоенюрист Орлов, члены – бригавоенюрист Детистов, военюрист первого ранга Чепцов вынесла свое определение: «...приговор, как вынесенный в соответствии с обстоятельствами дела и тяжестью совершенных им преступлений полностью оставить в силе без изменений, а кассационную жалобу без удовлетворения». Круг замкнулся, казнить, нельзя помиловать. Впереди оставались 24 дня каждодневного ожидания вызова на расстрел. Не будем домысливать, как прожил эти дни наш герой. В архивно-следственном деле подшита справка: «Приговор на осужденного к ВМН Кубанина М.И. приведен в исполнение 13 октября 1941 г.». Спустя 15 лет, в 1956 г., последовала реабилитация за отсутствием состава преступления.

Как видим, привнесение воинствующего политиканства в научную дискуссию вещь опасная. События Великой Отечественной войны заслонили собой суть этой дискуссии, но и спасли жизнь многим коллегам Кубанина по научному сообществу экономистов. Существуют два основных взгляда на роль деревни в этой войне. Первый – спасали собственный тоталитаризм, да еще «горами трупов». Второй – наличие командных высот в руках «народного» государства позволило максимально и быстро мобилизовать «всё и вся» в СССР для победы над

врагом. И советская колхозно-совхозная деревня сыграла в этой схватке во многом приоритетную роль. Но был и послевоенный период, когда отклонили шанс новой экономической политики прежде всего в сельском хозяйстве. С его утратой происходит потеря исторического темпа, а самое главное – застойность социально-политической, экономической мысли, неспособность владеть ситуацией, а затем и понимать ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский курьер, 1 июня 2004 г.

² Бурганов А.Х. Философия и социология собственности: русские и татарские реалии. 4-е изд. М., 2004. С. 64, 172.

³ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2001. С. 67-68.

⁴ Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004. С. 298, 299.

⁵ Сталин И.В. Краткая биография. М., 1950. С. 169.

⁶ Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига. М., 2003. С. 87.

⁷ Кубанин М.И. О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран // Проблемы экономики, 1940. № 2. С. 46; ежемесячный журнал «Проблемы экономики» являлся печатным органом Института экономики АН СССР. Журнал был ориентирован на научных работников, преподавателей и слушателей вузов, партийный и советский актив, работников хозяйственных организаций.

⁸ Выступление А.А.Андреева на совещании передовиков сельского хозяйства Новосибирской области 17 марта 1940 г. // Проблемы экономики, 1940. № 5-6. С. 7, 13.

⁹ Проблемы экономики, 1940. № 2. С. 77.

¹⁰ Хейнман С. Подъем уровня жизни трудящихся СССР в свете основной экономической задачи. // Проблемы экономики, 1940. № 5-6. С. 149.

¹¹ Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке. М.-Л., 1939. С. 78.

¹² Там же. С. 82.

¹³ Демьянова Н. К истории колхозного трудового дня // Проблемы экономики, 1940. № 5-6. С. 191.

¹⁴ Кубанин М.И. О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран // Проблемы экономики, 1940. № 2. С. 50.

¹⁵ Проблемы экономики, 1940. № 2. С. 70-71.

¹⁶ Там же. С. 73.

¹⁷ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003, с. 84.

¹⁸ Там же. С. 222-223.

¹⁹ Ленинградский мартиролог. 1937-1938. СПб., 1995. С. 38-48.

-
- ²⁰ *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. М., 2004.
- ²¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. Сб. документов. М., 2003, с. 338.
- ²² Там же. С. 338-339.
- ²³ *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. М., 2004. С. 145-146.
- ²⁴ Там же. С. 118.
- ²⁵ *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003. С. 176-177.
- ²⁶ Проблемы экономики, 1940. № 2. С. 67.
- ²⁷ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2925, л. 24-30, 32.
- ²⁸ *Антонов Н.* Из воспоминаний // Воля. Журнал узников тоталитарных систем. 1993. № 1. С. 46, 47.
- ²⁹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 2, д. 118, л. 203, 204, 205.
- ³⁰ Проблемы экономики. 1940. № 5-6. С. 154-155.
- ³¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. Указ. соч. С. 214-215, 216.
- ³² Там же. С. 165.
- ³³ Партийное строительство, 1930. № 22. С. 55.
- ³⁴ Партийное строительство, 1940. № 14. С. 3-12.
- ³⁵ *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939-1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 70-71.
- ³⁶ Партийное строительство, 1940. № 15-16. С. 44.
- ³⁷ *Цикулин В.А.* История государственных учреждений СССР. 1936-1965 гг. Учебное пособие. М., 1966. С. 136.
- ³⁸ Большевик. 1941. № 6. С. 85-96.
- ³⁹ Большевик, 1941. № 6. С. 86-87.
- ⁴⁰ *Рубцов Ю.В.* Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. Изд. 2-е, исправл. М., 2003. С. 60.